

16.11.2000

Солженицын

16 НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА 16.11.2000

СТИЛЬ ЖИЗНИ

Рой Медведев

В АЭРОПОРТУ города Магадан 27 мая 1994 года приземлился рейсовый самолет компании «Аляска Эйрлайн». Из салона машины вышел и спустился по трапу Александр Солженицын. После двадцати лет изгнания он вновь вступил на российскую землю, и место встречи с Родиной не было случайным. Именно Колыма, по словам Солженицына, была самым крупным, самым далеким и знаменитым островом удивительной и жестокой страны — ГУЛАГ, географией разорванной в архипелаг, но психологией скованной в континент почти несоязаемой страны, которую населял когда-то многомиллионный народ эзлов. В Магадане Солженицын опустился на колени и поцеловал землю России.

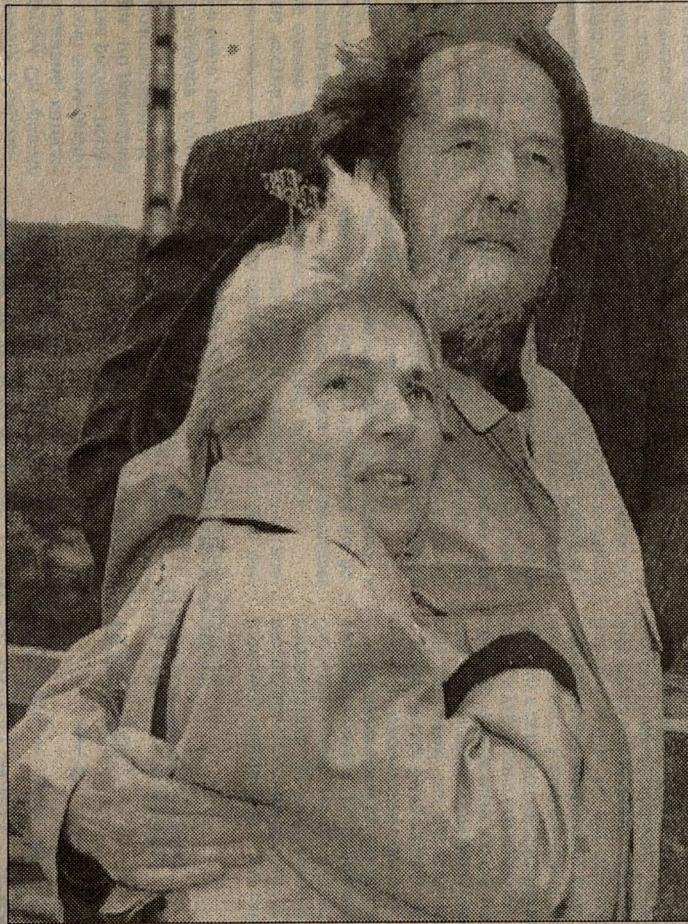
О возвращении Солженицына в Россию уверенно говорили в Москве уже в апреле 1994 года, хотя точная дата и место возвращения писателя были еще неизвестны. Казалось странным, но только немногие из писателей и публицистов встретили это известие с воодушевлением. «Он единственный», — писал в «Независимой газете» от 27 апреля 1994 г. Сергей Яковлев, — кто способен собрать расколотый, разметанный по углам несчастный народ под знаменем национального возрождения, вернуть ему надежду и уверенность в своих силах и направить энергию народа в здоровое, созидательное русло».

«Пророк он или не пророк? — задавал вопрос Александр Пумпянский. — Но пророк — это человек, провидящий свой век. Солженицын же столько раз ошибался. Все последнее десятилетие, переломное для судьбы России, был ли он первым с точным словом поддержки или предостережения? Нет, он отмалчивался. Понимает ли он мир на пороге третьего тысячелетия или безнадежно погрузился в исковерканную российскую историю? Где он черпает идеалы общественного устройства, разве не в мире, которого нет?»

«Я против возвращения Солженицына в Россию, — заявил писатель Юрий Нагибин. — Этот приезд и ему, и всем нам сорвет нервную систему. То, что делает сейчас Солженицын, мне неприятно. Человеску, создавшему двадцать томов, кажется, что он обял Россию, ее прошлое, настоящее и будущее. Это все чушь! Тут и без него немало умных людей. Сейчас нужны люди типа Гайдара, которые могут быть абсолютно мужественными, которые думают».

Наиболее жесткой оказалась статья молодого литератора Григория Амелина «Жить не по Солженицыну» в уже упомянутом номере «НГ»: «С голливудской бородой и начищенной до немыслимого блеска совестью, он является в Россию, как Первомай, и, как он же, безжально устаревший. А кому он, в сущности, нужен? Да никому... Нафталину ему, нафталину! И на покой!»

...Остановка в Магадане была недолгой, и вечером того же дня Солженицын прибыл во Владивосток. Программа этого возвращения готовилась весьма тщательно, пре-входя по своим масштабам самым крупным пропагандистским мероприятиям 70–80-х годов. При этом все финансовые издержки двухмесячной поездки по России приняла на себя британская телерадиокорпорация Би-би-си. Корпорация взяла в аренду у МПС два специальных вагона-салона: один — для семьи писателя, другой — для нужд операторов и редакторов корпорации. Возмешались и все другие возможные расходы железной дороги, был предусмотрен и гонорар для Солженицына. Взамен Би-би-си получала право на съемку фильма о возвращении великого изгнаника на свою родину, а также на продажу этого фильма в любые страны, кроме России. В России этот фильм, по условиям соглашения, должен демонстрироваться бесплатно. В соответствии с заранее составленной программой предусматривались остановки на три–пять дней во всех крупных го-

Наталья и Александр Солженицыны. Владивосток, 28 мая 1994 г.
Фото АП

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Александр Солженицын: одиночество после возвращения

родах после Владивостока — в Хабаровске, Чите, Иркутске, Красноярске, Новосибирске, Омске. Всего таких остановок было семнадцать.

Западная и московская пресса подробно описывали пребывание Солженицына в Приморском крае, много меньшие публикций было о его встречах в Хабаровском крае. Дальше по ходу путешествия о Солженицыне писала только местная печать, а все иностранные и столичные корреспонденты вернулись в свои редакции. Рядом с писателем неизменно находились только операторы и ведущие из Би-би-си. Читая московские газеты в июне и в начале июля, можно было подумать, что путешествие Солженицына уже завершилось. В этом был просчет всех организаторов этого возвращения великого писателя на свою родину, и прежде всего просчет самого Солженицына: он не сумел поддерживать внимание и интерес к своим выступлениям и высказываниям больше, чем 5–6 дней. Дальше все повторялось, и это становилось уже неинтересным. Даже жена и дети Солженицына время от времени покидали его поезд, который двигался через всю Россию очень медленно.

Солженицын говорил позднее с большой обидой, что его поездка за-малчивалась, что московские газеты

на в Россию вышел на мировые экраны в 1995 году и прошел сравнительно незаметно.

Хотя Солженицын отказывался считать себя политиком, уже по итогам мая он занял место в рейтинге «НГ» «Сто наиболее влиятельных политиков России». В июле он находился в этом списке на двенадцатом месте.

...В середине июля специальный поезд, в котором двигался по России Солженицын, находился уже в Поволжье, и все пассажиры этого поезда готовились к встречам в Москве. Готовились к встрече с писателем и в столице, и когда 21 июля, в четверг вечером, Солженицын наконец прибыл в Москву, на площади у Ярославского вокзала собрались около двадцати тысяч человек; по московским масштабам это немного. Дело было, конечно, не в дождливой погоде, как пытались объяснить некоторые газеты, а в отсутствии оповещения. О дне и месте прибытия писателя в Москву не сообщали ни печать, ни телевидение.

...В середине октября писатель стал готовиться к предстоящему выступлению в Государственной Думе. Состав Думы в 1994 году был

крайне пестрым, и главными фракциями здесь были фракция Владимира Жириновского и его ЛДПР, фракция правых радикаль-реформаторов во главе с Егором Гайдаром и фракция КПРФ во главе с Зюгановым.

Все эти политические движения

относились к Солженицыну

весьма критически, да и он отвечал

им еще более резкой критикой.

Тем не менее Солженицын не исключал возможности выступления

в Думе с развернутым изложением

своего видения состояния России и

путей ее выхода из перманентного

кризиса. На одном из заседаний

Государственной Думы в сентябре

Станислав Говорухин и Владимир

Лукин предложили пригласить Со-

лженицына для выступления. При

первом голосовании это предложе-

ние не набрало большинства голо-

сов. Против выступили как коммунисты, так и фракции Жиринов-

ского и Гайдара. Однако фракция

КПРФ вскоре изменила свое мне-

ние, и Дума приняла решение о

приглашении писателя. Выступле-

ние было назначено на 28 октября,

и печать еще за несколько дней до этого комментировала необычное заседание.

Солженицын прибыл в Думу перед самым выступлением и вошел в зал в окружении десятков журналистов. В зале пустовала половина депутатских кресел. Не пришли депутаты из правительства, а Егор Гайдар демонстративно вошел в зал через полчаса после начала выступления.

Писатель тщательно подготовился к выступлению и говорил напористо и вдохновенно. Его речь была интересной и содержательной. Но отклика в зале почти не было, лишь иногда раздавались жидкие аплодисменты. Солженицыну не задали ни одного вопроса — ни устно, ни письменно.

Конечно, писатель повторил многое из того, что уже говорил ранее: «На нас лежит ответственность перед страдающим народом. Я вынес ощущение, что народная масса обескуражена, она в шоке от унижения и стыда за свое бессилие. Людей практически выключили из жизни. У них оказался небогатый выбор: или влачить нищее существование, или постигать ремесло, как обманывать государство». Писатель осудил приватизацию, издавался над вахтерами, отмечал рост преступности, осуждал ограбление вкладчиков сберегательных касс, рисовал бедствия деревни. Он повторил слова об олигархии и коммунистической номенклатуре, «перебежавшей в демократы». «Говорят, нет денег. Да, у государства, допускающего разворовку национального имущества и не способ-

тельного представление. Он делал множество предложений, но было неясно, кто и как должен их осуществлять. Передачи перестали комментировать в печати. Анализ зрительских интересов показывал, что российский зритель утратил в октябрь–ноябрь 1994 года интерес к выступлению Солженицына.

Солженицын повествовал о вещах и фактах, которые всем его слушателям были знакомы и обсуждались не раз. Это позволило радикал-демократам из «Выбора России», на которых писатель обрушил свою критику еще во время поездки по России, взять своеобразный реванш. «Мы надеялись, — писала Алла Гербер, — что Солженицын сумеет увидеть и понять проблемы новой России. Мы ждали слова громадного писателя, независимо от того, разделены мы его взгляды или нет. Но взгляда, и не снизу, а сверху, откуда только ему и видно, что с нами происходит, куда мы, с чем и зачем. Но Солженицын все успел узнать и все понять за несколько месяцев пребывания в России, но только на уровне репортера из районной газеты. Мы прощаемся со своим Солженицыным, который теперь открывает нам истины о том, что надо мыть руки перед едой». «Великий русский писатель, — ironизировал по тому же поводу журнал «Новое время», — задался, по-видимому, озвучить штампы перestroичной публистики 5- или 7-летней давности со страстью человека, вопиющего в пустыне о том, что дважды два будет четыре. Четыре!»

Неудачные выступления на телевидении привели к снижению общего политического рейтинга писателя. С почетного двенадцатого места он переместился в конце 1994 года на восемнадцатое шестое, а в начале 1995 года и вовсе выпал из списка ста ведущих политиков «НГ». В передаче от 30 января 1995 года Солженицын подверг резкой критике само телевидение. «Сегодняшнее телевидение, проданное за деньги, народ презирает...» Подобные отклики позволили руководству ОРТ прекратить выступления Солженицына, расписанные уже на два-три месяца вперед.

Можно было заранее предвидеть взаимную неприязнь между вернувшимся в Россию Солженицыным и коммунистами, а также радикальными либералами-западниками. Однако крайне враждебно встретили писателя и все известные лидеры российской национально-патриотической оппозиции. Еще до приезда Солженицына в Москву Сергей Бабурин заявил, что «ничего не ждет от появления Солженицына в России». «А кто он, собственно, такой? — ответил вопросом на вопрос Александр Невзоров. «Кто придет его слушать? — спрашивал редактор газеты «Завтра» Александр Проханов. — Он не будет встречаться с коммунистами... К нему не придет партия Гайдара, ведь этот неокапиталистический слой... Он будет искать поддержки у националистов. Тут он как дома, тут его духовная родина. Но с чем он туда придет? Вряд ли он придет туда как абсолютный хозяин. У этой оппозиции появились свои лидеры, свой горький опыт, своя трагедия — трагедия октября прошлого года. Трагедия, которую Солженицын принимает. Он оправдал расстрел у «Белого дома»... И как же он придет к националистам, которые считают это величайшим преступлением перед Россией?»

Еще до возвращения в Россию Солженицын говорил, что не рассчитывает на всеобщую поддержку в стране. Действительно, и через год, и через два года после своего возвращения в Россию Солженицын оставался в полном одиночестве и как общественный деятель, и как идеолог.

...Теперь Солженицын гораздо чаще появляется в печати, нежели выступает перед телевизионной или политической аудиторией. Но это уже другая тема.

Публикуемый текст представляет собой фрагменты из готовящейся к печати книги Роя Медведева «Александр Солженицын и новая Россия».